

А.Ф.Замалеев

**У Ч Е Б Н И К
Р У С С К О Й
ПОЛИТОЛОГИИ**

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ
КУРС

2002-7
3964

РЕДАКЦИЯ

Санкт-Петербургский государственный университет

А. Ф. Замалеев

УЧЕБНИК РУССКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Рекомендован
Головным советом по философии
Министерства образования
Российской Федерации
для студентов и аспирантов
гуманитарных вузов

Санкт-Петербург

Издательско-торговый дом
«Летний сад»

2002

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

340339

ББК 87.3
3-26

Российский государственный научный фонд
(грант № 01-03-85007 а/у)

Рецензенты: д.филос.н. *Н.И.Безлепкин* (Санкт-Петербургский государственный университет);
д.истор.н. *Е.П.Титков* (Арзамасский государственный педагогический университет);
д.филос.н. *Л.Е.Шапошников* (Нижегородский государственный педагогический университет)

Замалеев А.Ф.

3-26 УЧЕБНИК РУССКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 2002 – 352 с.

ISBN 5-89740-079-2

Написан на основе лекционного курса, читаемого автором в Санкт-Петербургском университете. Освещается развитие русской политологии с эпохи средневековья до наших дней.

Для студентов, аспирантов, всех, интересующихся отечественной политической философией.

ISBN 5-89740-079-2

© А.Ф. Замалеев, 2002

© Издательско-торговый дом
«Летний сад», 2002

⁴⁷ Там же. С.19.

⁴⁸ Ткачев П.Н. «Набат» (Программа журнала) // Соч. В 2 т. Т.2. С.93.

⁴⁹ Ткачев П.Н. Народ и революция // Там же. С.163.

⁵⁰ Ткачев П.Н. «Набат» (Программа журнала). С.95.

⁵¹ Там же. С.96.

⁵² Там же. С.97.

ЛЕКЦИЯ 11 РУССКИЙ МАРКСИЗМ

Разочарование в народничестве, достигшее предельной остроты в 80-е гг. XIX в., разбросало деятелей этого движения по разным лагерям: одни, как Тихомиров, испросив повинную, переходили на сторону власти, монархии, другие, подобно Плеханову, оседали в европейской эмиграции и постепенно проникались идеологией марксизма.

Сущность этого учения кратко сформулирована в письме К.Маркса к И.Вейдемайеру от 5 марта 1852 г.: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов».¹

К этому следует добавить, что, согласно марксистской теории, установление диктатуры пролетариата совершается в результате социальной революции, которая носит объективный характер и вызывается несоответствием существующих производственных отношений достигнутому уровню развития производительных сил. Показателем этого несоответствия является «раскол общества» на немногочисленный богатый класс, который «задыхается в своем собственном изобилии», и громадную «пролетаризированную» массу трудящихся, едва защищенных «от самой крайней нужды».² Классики марксизма допускали ослабление нищеты рабочего класса по мере универсализации капиталистического производства, но в то же время прогнозировали возрастание общей «необеспеченности» большинства трудящихся «работой и приличной оплатой труда», в связи с соответствующими демографическими процессами в их среде. Следовательно, по их мнению, всегда будет сохраняться и причина «волнений», революций пролетариата.

При этом совершенно исключалась возможность победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране. «Освобождение пролетариата может быть только международным делом». Какая-либо одна страна может лишь подать «сигнал», который должны подхватить другие страны; например, «если Франция – может быть – подаст сигнал, то в Германии, стране, наиболее глубоко затронутой социализмом... будет решен исход борьбы, и все же еще ни Франция, ни Германия не обеспечат окончательной победы, пока Англия будет оставаться в руках буржуазии».³ Таким образом, для полного успеха социалистической революции необходим интернациональный «европейский ураган».⁴

«Сигнал» мог исходить и из России, где, с одной стороны в избытке «накопились революционные элементы», а с другой – сохранилась община, которая может стать «исходным пунктом коммунистического развития».⁵ Но для этого русская революция должна быть дополнена пролетарской революцией на

Западе; без поддержки диктатуры международного пролетариата она не способна самостоятельно решить задачу социального возрождения России.

1. *Ортодоксальный марксизм: Г.В.Плеханов (1856–1918).* Оказавшись в 1880 г. в эмиграции, Плеханов не только приобщается к марксизму, но и создает первую русскую социал-демократическую группу «Освобождение труда». Он сразу берет на вооружение идею диктатуры пролетариата и обращает ее в орудие критики народничества.

Первый пункт его возражений касается крестьянской общины. Она, с его точки зрения, слишком узка, одностороння, чтобы стать основой для социалистической организации производства. Материальные условия жизни разобщают крестьянство, раздробляют его на мелкие хозяйственныес единицы, препятствуя осознанию и пониманию необходимости «экономического переворота». Для этого нужен «развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение».⁶ Но появление его можно ожидать не раньше, чем рухнет старая общинная система. Пока же его еще нет, бесполезно верить «в близкую возможность социалистического правительства в России».⁷ Социализм, как твердо убежден Плеханов, есть прежде всего диктатура пролетариата.

В данной связи подробно разбирается ткачевская идея захвата власти революционной партией. Согласно Плеханову, это может быть лишь следствием неразвитости пролетариата, отсутствия в нем осознанного стремления к собственному освобождению. Созревший пролетариат не позволит захватить власть даже самим искренним своим «благожелателям». Он сам возьмет инициативу в свои руки, с тем чтобы, покончив со своими врагами, устроить общественную жизнь на началах «пан-анархии», т.е. всевластия. Анархия, по мнению Плеханова, неприемлема для рабочего класса, поскольку она «принесла бы ему новые бедствия», заново подчинив его деспотической власти.

Но допустим, рассуждает Плеханов, революционная партия благодаря стечению обстоятельств приходит к власти и создает собственное правительство. Что же может получиться в итоге? Одно из двух: либо оно «вынуждено будет организовать национальное производство», чему, естественно, «помешают как его собственная непрактичность, так и современная степень развития национального труда и привычки самих трудящихся», либо искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося в них лишь то видоизменение, что вместо племенных вождей и их чиновников «национальным производством будет заведовать социалистическая каста». «...При такой опеке, — прозорливо резюмирует Плеханов, — народ не только не воспитался бы для социализма, но или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность лишь благодаря возникновению того самого экономического *неравенства*, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства».⁸

Впрочем, Плеханов утешает себя тем, что «говорить о результатах захвата власти нашими революционерами» не имеет смысла, ибо «очень, очень мало вероятен» самый этот захват.

Неудивительно, что «октябрьский переворот» 1917 г. оказался для него полной неожиданностью, и ему не осталось ничего другого, как горестно выразить свое сочувствие «обманутому» российскому пролетариату. «*Нет*, — писал он на третий день после революции, — *наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти*. Навязать ему такую власть, значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России».⁹ Увы, понадобилась целая эпоха, чтобы подтвердились пророчества первого русского марксиста!

2. *Большевизм: В.И.Ленин (1870–1924)*. Между Плехановым и Лениным изначально сложились те же отноше-

ния, что и между Лавровым и Ткачевым: молодой марксист находил слишком «барской» позицию старого ветерана русской социал-демократии. Его не устраивало ни его «постепенство», ни желание исподволь, путем просвещения и воспитания, готовить рабочий класс к самостоятельным политическим действиям. И тем более – ждать, пока пролетариат составит большинство населения страны, без чего Плеханов не допускал и мысли о возможности социалистической революции. Все это неминуемо должно было обернуться расколом русского марксизма, и он действительно произошел на II съезде РСДРП, состоявшемся в Лондоне в июле 1903 г. Социал-демократическое движение разделилось на меньшевиков, сохранивших верность Плеханову, и большевиков, ставших на сторону Ленина.¹⁰

Теоретически Ленину было ясно: социализм может быть только «рабочим», т.е. пролетарским, и никаким иным. Он много и с удовольствием критикует «народнический социализм», повторяя, впрочем, аргументы Плеханова. Ошибкой этой идеологии он признает то, что она, исходя из веры в коммунистические инстинкты общинного крестьянства, именно в нем «видела... прямого борца за социализм...». В результате народники отходили от прямой политической деятельности и «шли в народ», чтобы агитировать его «на борьбу с правительством». Они мало обращали внимания на «политико-экономическую структуру деревни», а потому упускали из виду «разложение, раскрепощивание наших крестьян и кустарей», т.е. превращение их в мелкого буржуа. Неудивительно, что вся их «теоретическая работа, направленная на изучение того института (общины. – А.З.), который должен был послужить основанием и оплотом для устранения эксплуатации, привела к выработке такой программы, которая выражает собой интересы мелкой буржуазии, т.е. того именно класса, на котором и покоятся эти эксплуататорские порядки». Таким образом, обобщает Ленин, народники просмотрели зарождение сельского пролетариата, сходного по своему положению с пролетариатом городским, промышленным, в силу

чего и не сумели понять, что «не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение».¹¹

Никто из русских социал-демократов в принципе не подвергал сомнению этот тезис. Вопрос заключался лишь в том, существует в России рабочее движение или нет?

Отрицательный ответ на него содержался в знаменитом «Credo» Е.Д.Кусковой (1869–1958), опубликованном еще в 1898 г. В нем ставились две важные проблемы: первая касалась «кризиса марксизма», вторая – вытекающих из этого новых задач русской социал-демократии. Автор представляет следующую картину. На Западе, с эпохи средневековья, сложился рабочий класс, включающий ремесленно-городской элемент, т.е., собственно, «мещансскую демократию», привыкшую «участвовать в организациях и касах взаимопомощи, религиозных обществах и проч.». Она-то и составила ядро социал-демократических партий, из которых выделился «теоретический и практический марксизм». На первых порах в нем парламентская политическая борьба превалировала над экономической, «с перспективой захвата власти». Но по мере исчерпания энергии политической борьбы («медленный рост голосов» на выборах, «апатия публики на собраниях», «унылый тон литературы» и т.д.) марксизм переключился в сторону поддержки едва зародившегося и совершиенно «дикого» фабричного пролетариата, «почти не поддающегося организации» и не имеющего никаких других стремлений, кроме экономических. Соответственно, марксизм эволюционирует от «Коммунистического манифеста» с его «примитивным», «слишком схематичным представлением классового деления общества», к бернштейнианству, т.е. экономизму, признанию реформистского пути развития общества. Тем самым налицо оказывается «кризис» революционного марксизма.

Отсюда – «вывод для России». Согласно «Credo», русский пролетариат так же далек от организованного рабочего класса Запада, как и тамошний фаб-

ричный пролетариат. Но он к тому же еще малочислен, слаб, поэтому его едва ли можно склонить к «политической деятельности». А значит, прежде временные и всякие разговоры о создании в России марксистской политической партии по революционному образцу, и все разговоры о ней «суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву». Практика эта не только бесполезна, но и вредна, поскольку отвлекает от реальных дел, мешает «сосредоточить внимание на общественных проявлениях либерально-политического свойства», т.е. защите прав личности, собственности, общественного самоуправления. Только так можно воспитать «политическое чутье» русского рабочего, не получившего «в наследие организационного духа, каким отличались борцы Запада». Ввиду этого и русским марксистам следует отдать приоритет не политическим вопросам, а поддержке экономической борьбы пролетариата и участию «в либерально-оппозиционной деятельности», по крайней мере, до того момента, пока сам пролетариат не выдвинет собственных политических задач».¹²

«Credo» Кусковой вызвало самую негативную реакцию Ленина. Он решительно восстает против объявления «кризиса марксизма» и сведения его к бернштейнианству, усматривая в этом попытку «сузить теорию марксизма», превратить революционную рабочую партию в реформистскую. Для него осуществление подобной программы равносильно «политическому самоубийству», предательству интересов пролетариата.

Однако Ленин не может не признать, что в России марксистская партия должна действовать иначе, чем на Западе. Она не может ждать, пока пролетариат достигнет «определенного уровня культуры», чтобы подняться до социализма, но должна сама внести идеи социализма в рабочее движение. И лучше всего это сделать «революционным путем», т.е. осуществив захват власти. Тогда партия как «авангард пролетариата», со всей прямотой пишет Ленин,

не ограничивая себя «никакими законами, никакими абсолютно правилами» и опираясь только на насилие, «освободит эксплуатируемых от их рабского положения, улучшит их условия жизни немедленно за счет экспроприированных капиталистов». Затем, «в ходе острой классовой борьбы», совершится «просвещение, воспитание, организация самых широких трудящихся и эксплуатируемых масс вокруг пролетариата, под его влиянием и руководством, избавление от их эгоизма, раздробленности, пороков, слабости, порождаемых частной собственностью, превращение их в свободный союз свободных работников».¹³ Как видим, ленинский план социалистической революции почти дословно воспроизводит идеи ткачевского «Набата». Теперь мы знаем, что реально это привело к новому «закабалению» русского пролетариата, утверждению советской «сталинократии».

Как же представлял себе Ленин захват власти большевиками? Конечно, речь не шла об ожидании или ускорении «европейской бури»; все должно было свершиться в самой России, как одной отдельно взятой стране. К такому заключению Ленина подводит открытый народниками закон неравномерного развития мирового капитализма.

Так, например, В.В.Воронцов в своих экономических исследованиях отмечал: «...Россия значительно отстала от других главнейших стран в развитии своей капиталистической промышленности», хотя по численности своего населения она «превосходит все прочие наиболее передовые государства», имея «вдвое больше жителей, чем Соединенные Штаты Северной Америки, в 2,5 раза больше, чем Германия, в три раза больше, чем Франция и Великобритания, в 4 раза больше, чем Италия».¹⁴

Все это дало основание Ленину считать неравномерность экономического и политического развития «безусловным законом капитализма». Согласно его концепции, на рубеже XIX – начала XX в. старый промышленный капитализм

уступает место финансовому капитализму, который разрывает рамки национальных государств и превращается в целую систему империализма. Начинается новый передел мира, усиливающий одни страны и ослабляющий другие. Тем самым нарушается равномерное развитие капитализма, обостряются противоречия в политической сфере. Теория марксизма не может обойти сложившуюся ситуацию. Борьба за социализм перестает быть интернациональным делом. «Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными».¹⁵ Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, приложит в свою очередь все усилия для борьбы с остальным капиталистическим миром, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них вооруженные восстания и поддерживая их в случае необходимости даже военной силой. Политической формой социалистического общества будет демократическая республика, «все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму».¹⁶ Ленин, подобно Пестелю, не приемлет никаких федеративных отношений, называя это «мещанским», т.е. буржуазным идеалом.

По схеме Ленина, далее, выходило, что наиболее слабым звеном в империалистической цепи является Россия. На Западе капитализм развивается с опорой «на все завоевания современной культуры и техники», поэтому «там подняться труднее, там рабочая революция растет несравненно медленнее».¹⁷ Россия в другом положении. Она всецело подавлена империалистическими монополиями и не может на равных участвовать в переделе мира. Это усиливает гнет русского пролетариата, ввергая его в состояние «возбуждения и вспышек», создавая «революционное положение», что, с одной стороны, позволяет ему занять по-

ложение «бесконечно более высокое, чем его доля в населении страны», а с другой – перемещает центр мировой революции из Европы в Россию, ставит Россию «вперед любой Англии и любой Германии».¹⁸ И вот, наконец, навеянный все тем же Ткачевым итоговый большевистский постулат: «Революция может быть начата и весьма малой партией и доведена до победного конца».¹⁹ Под победным же концом разумеется будущее, и притом весьма отдаленное, «уничтожение государства, т.е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми». Произойдет же это, когда социализм перерастет в коммунизм, такой общественный строй, в котором не будет больше надобности «в подчинении одного человека другому», и люди сами, без всякого принуждения, «привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности».²⁰

Ленин забывает только добавить, что для выработки «коммунистических привычек» вовсе не обязательна насильственная революция, а достаточно обычного правового развития народа в буржуазном состоянии. Впрочем, после «октябрьского переворота» он довольно скоро убеждается, что одним захватом власти невозможно построить даже социализм, без предварительного «развития капитализма», хотя бы «под контролем и регулированием пролетарского государства».²¹ Так была развеяна радикалистская иллюзия минования капиталистической системы, возвещенная некогда «русским социалистом» Чернышевским. Жаль, что это осталось только личным разочарованием Ленина и никак не затронуло умы советских продолжателей его дела.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1948. С.63.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.22. С.211–212.

³ Там же.

⁴ Там же. Т.36. С.320.

⁵ Там же. Т.19. С.305.

⁶ Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Избр. филос. произв. В 5 т. Т.1. М., 1956. С.101.

⁷ Там же. С.102.

⁸ Там же. С.105.

⁹ Цит. по: Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997. С.351.

¹⁰ См.: Ярославский Е. История ВКПб. В 2 т. Т.1. М., 1933. С.86–88.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.1. С.284.

¹² Кускова Е.Д. Credo // Ленин В.И. Соч. Изд. 2-е Т.2. М.; Л., 1926. С.477–480.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. С.186.

¹⁴ В.В. (Воронцов В.П.) Очерки экономического строя России. СПб., 1906. С.111.

¹⁵ Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции // Избр. произв. В 3 т. Т.1. М., 1969. С.753.

¹⁶ Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Там же. С.636.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. С.355.

¹⁸ Там же. Т.43. С.216.

¹⁹ Там же. Т.44. С.32.

²⁰ Ленин В.И. Государство и революция. М.; Л., 1931. С.102.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С.8.

ЛЕКЦИЯ 12 ОТ ЛЕНИНИЗМА К СТАЛИНОКРАТИИ

Русская политология XX в., помимо большевизма, ставшего господствующей идеологией советского периода, охватывает еще и многие другие направления, преимущественно антисоветского, религиозно-консервативного толка, сложившиеся как в зарубежье, так и в СССР. В целом картина предстает в следующем виде:

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
<i>Раздел первый.</i>	
<i>Очерк развития русской политологии</i>	
<i>Десять правил русской политологии</i>	6
Предисловие	7
<i>Лекция 1. Идейно-политические процессы</i> в древнекиевской Руси	9
<i>Лекция 2. Политические программы</i> эпохи московской централизации	21
<i>Лекция 3. Борьба идей в русской политологии XVII в. ..</i>	44
<i>Лекция 4. Петр I и идеология «Ученой дружины»</i>	57
<i>Лекция 5. Политологический плюрализм</i> второй половины XVIII в.	71
<i>Лекция 6. Царствование Александра I:</i> либеральные начинания и консервативный слом	87
<i>Лекция 7. Политология официального монархизма.....</i>	99
<i>Лекция 8. Либерально-консервативный реформизм.</i> Религиозное направление	121
<i>Лекция 9. Либерально-консервативный реформизм.</i> Светское направление	135
<i>Лекция 10. Идеология русского радикализма.</i> Дворянско-разночинский этап	157
<i>Лекция 11. Русский марксизм.....</i>	181
<i>Лекция 12. От ленинизма к сталинократии</i>	191
<i>Лекция 13. Политологическая мысль</i> русской эмиграции	197
<i>Заключение</i>	225